

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

КРОВЬ НА ДОНУ

Спецназ Ивана Грозного

Александр Тамоников

Кровь на Дону

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Кровь на Дону / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2019 — (Спецназ
Ивана Грозного)

ISBN 978-5-04-105460-1

1569 год. Султан Османской империи и Крымский хан затевают поход на Астрахань, недавно завоеванную Иваном Грозным. Из Константинополя в турецкую крепость Азов приходят морские суда с янычарами и большим грузом боеприпасов. Дружина князя Дмитрия Савельева получает задание проникнуть в Азов и подорвать пороховые арсеналы врага. Но как это сделать, если город хорошо защищен? Савельев идет на хитрость и выманивает турецкий гарнизон за городской вал. У арсенала остается только небольшая стража — для опытных воинов князя это не преграда... Беда приходит откуда не ждали...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105460-1

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Тамоников

Кровь на Дону

Глава первая

Солнце покатилося на запад, но стало еще жарче, а оттого и душнее из-за прошедшего накануне ночью летнего, сильного дождя. Камни старой южной крепости Кельберек на левом берегу Дона намокли и сейчас парили. Князь Савельев прошел от разрушенного дома по извилистым улочкам крепости к части уцелевшей стены, у земляного вала которого нес свои воды Дон. Из-за валуна к нему поднялся Уваров:

– Приветствую, князь!

– И я приветствую тебя, Истома! Что на Дону?

– Спокойно. Ни лодок, ни ладей, ни стругов. Волн нет, так, рябит вода местами да рыба крупная плещется, ловить ее тут некому.

– А когда-то ловили.

– Это так.

– Ты ведаешь, кто тебя сменил на трапезу утреннюю?

– Да пришлет кого-нибудь твой помощник Гордей Бессонов.

– Ну, лады, а что выше по течению, с северной стороны?

– Там тоже тихо. В дубовой рощице, что в полуверсте от крепости, птицы порхают спокойно, никто их не тревожит.

– Понятно, ну, неси службу, ратник.

– А то как же, Дмитрий Владимирович, иначе не можно, чай, не на Москве и не на центральных родных землях. На чужбине.

– Давай!

Князь Савельев пошел к наблюдателю восточной стороны, касимовскому служивому татарину Рустаму Турану.

Тот доложил, что и в степи все спокойно. Было какое-то движение в большом овраге, но стихло.

– Что за движение? – насторожился Савельев.

– А кто его знает? Может, зверь?

– Какой здесь зверь, Рустам?

– Не ведаю, но гляжу за оврагом.

– Гляди лучше. Азов близко, а в нем османы. Могут и наведаться в Кельберек.

– Чего им тут делать? Своих забот в городе хватает.

– Что на уме у османов, мы знать не можем. Смотри внимательно!

– Смотрю, князь!

Воевода пошел к цитадели. Отошел саженей десять по узкой, прямой, изобилующей разбитым камнем улице, как вдруг услышал окрик Турана:

– Воевода?!

– Чего, Рустам? – спросил Савельев, вернувшись обратно.

– Присмотрелся к оврагу, особенно к кустам, что на вершине правого склона. Кто-то сидит там.

Князь посмотрел на овраг и перевел взгляд на татарина:

– И кто?

– Человек.

– Уверен?

– Да видел его. Как ты в обрат в крепость пошел, он наверх и вылез, показал морду бородатую.

– Бородатую?

– Ну да, потом укрылся, но не ушел. Укрылся так, что не видать, но ветки куста, где он показался, иногда колышутся, а ветру такого, чтобы ветвям шевелиться, нету, да и остальные кусты покойны, а еще птицы взлетели, да к дубняку ушли. Есть там человек, точно.

– Может, охотник или рыбак из Азова? – предположил Савельев.

– Охотиться тут не на кого, а рыбачить? От Азова пять верст идти, да еще не по реке, чтобы именно тут рыбачить без лодки? – покачал головой татарин.

– Да, глупо, – согласился князь. – Тогда что за человек?

– Мыслию, наблюдатель. А раз наблюдатель, то внизу еще люди, и их немало, до десятка где-то.

– Может, это те, кого мы ищем?

– А чего прячутся? – пожал плечами Туран.

– Смотрят, кто тут – мы или турки, прогнавшие нас.

– Показать им?

– И как раз спугнешь, – улыбнулся Савельев. – Увидят, прости, татарина, подумают, засада, и уйдут. Нет, если и показываться, то мне.

Он встал во весь рост сбоку от остатка стены. Наблюдатель от оврага не мог его не видеть. И он увидел. Зашевелился еще один куст, и на вершине также поднялся человек. Это был русский. Видно, он узнал Савельева, а может, ему хватило увидеть соплеменника. Как бы то ни было, он быстро пошел по полю к крепости.

– Смотри за ним и за оврагом, Рустам. Я встречу человека, – наказал ратнику князь.

– Был бы наш, а то уже седьмой день сидим тут, провизию понапрасну проедаем.

Но Савельев его не слушал. Он всматривался в лицо подходящего человека. Было в этом лице что-то знакомое, но откуда не определить, знакомец или нет.

Человек приблизился сажень на пять до стены, остановился и спросил:

– Князь Савельев?

– Он самый, а ты кто?

– Не узнал? Мы встречались на Москве, правда, то было только один раз.

– Ответствуй на вопрос, – повысил голос воевода.

– Фрол Некрасов, помощник князя Петра Семеновича Серебряного.

– А с бородой-то что? Где половину потерял, что и узнать трудно?

– Так это в стане у Астрахани потешно с ногоем одним схлестнулся в бою кулачным, – рассмеялся ратник. – Я его разделал как следует, а он, басурман, неуступчивый оказался. Падая, вцепился зубами в бороду и клочок вырвал. Но ничего, новая отрастет борода.

– Ты с кем пришел?

– Так отряд в два десятка в овраге.

– Два десятка, говоришь? – Дмитрий бросил грозный взгляд на татарина, и тот потупился.

– Ты дозорного своего не вини, мы ночью, в дождь подошли, – вступился за него Некрасов. – И подходили по одному, боле ползком.

– Десятки так и будешь в овраге держать? – усмехнулся князь

– Нет, если дозволишь, в крепость заведу, людям отдых требуется, от самой Астрахани шли. А это двенадцать дней, семьсот верст с гаком.

– Тебе князь передал, что должно нам делать?

– Пошто передавать? Тут он.

– Как это тут? – удивился Савельев.

– Да в овраге, с ним и чин какой-то казацкий, оттого два десятка, один – охрана князя, другой – казацкого.

– Так чего ж ты сразу не сказал?

– Не дошло до того.

– Давай подавай сигнал, чтобы князь с десятками выходили к крепости.

– Угу! – кивнул Фрол, повернулся к оврагу и махнул дважды рукой.

Из него начали выходить ратники, казаки, но осторожно, не всем скопом, а по двое, по трое. Впереди – именитый воевода Петр Семенович Серебряный-Оболенский, рядом с ним казак в дорогой одежде, а за их спинами – двое ратников.

– Беги, Рустам, в цитадель, – приказал служивому татарину Савельев, – передай Гордею, что сам князь Серебряный явился, скажи, сколько людей с ним. Пусть наши подготовят трапезу и место отдыха ратников, казаков, предупреди возчиков, дабы приняли коней прибывших.

– А как же?.. – начал, было, Туран, но Дмитрий не дал ему договорить:

– Бегом, туда-сюда!

– Сполняю!

Тут к воеводе подошли Серебряный и казацкий начальник.

– Доброго здравия, Петр Семенович, рад видеть тебя!

– Доброго здравия, Дмитрий Владимирович, и я рад видеть тебя! – ответил князь и указал на своего спутника: – Познакомься! Помощник атамана Михайло Тимофеевича Лунина, головы станицы Дугановка, что крепко стоит за царя нашего, Данилов Макар.

Поприветствовали друг друга и прошли внутрь крепости, где их уже ожидал Гордей Бессонов с сыном Власом и одним из возчиков малого обоза дружины, Алексеем Глуховым. Следом в крепость стали входить воины, ведя своих коней на поводу.

– Разместите людей, коней, напоите, накормите да отдых организуйте, – кивнул Савельев Бессонову и Глухову.

– Слушаюсь, воевода! – ответил Бессонов.

Он с сыном и возчиком, ставшим здесь конюхом, занялись распределением десятков. Крепость была большой, подвалы вместительные, места хватит всем. Даже кони паслись на северной стороне, где между валом с осколками стен и цитаделью возник целый луг, да и вода рядом, из реки.

Савельев провел князя и помощника атамана в свое укрытие. Это был отдельный подвал с перекрытиями. Внутри топчан, самодельные стол, лавки, рогожа, полога, накидки. На столе подскатерть. Пришедшие сели на лавки, вытянув вперед ноги.

– Замаялся, Дмитрий Владимирович, почитай, без остановок от Астрахани шли, – проговорил князь Серебряный. – Хорошо басурман не встретили, но и без них воины устали.

– Сколько времени у вас на отдых? – спросил воевода.

– Да день и ночь отдохнем, а завтра с утра в обрат двинемся, я – к Астрахани, Макар – в станицу. Ему легче, Дугановка всего в сорока верстах отсюда выше по Дону.

– И басурмане не тревожат вас, Макар, в такой-то близости от Азова? – глядя на помощника атамана, поинтересовался Дмитрий.

– Как не тревожат, князь, вернее, пытаются, да только мало что получается у них. А в последнее время словно и забыли о соседях.

– То немудрено, – проговорил Серебряный, – сейчас у турок, ногаев, черкесов, крымчаков другая забота. А ты, Дмитрий Владимирович, дал бы воды студеной напиться!

– Прости, князь, что не предложил. Погоди немного.

Савельев вышел из своего убежища. И тут же столкнулся с Власом Бессоновым.

– Ты чего тут? Я же наказывал...

– Извиняй, воевода, отец молвил, он сам с десятками управится, меня же послал к тебе, мало ли что потребуется. И ведь потребовалось, так? – Влас улыбнулся на всю свою добродушную физиономию.

– Воды из колодца кувшин принеси. И чаши захвати.

- Что еще треба, князь?
- Покуда все.
- Понял, сделаю. А потом только кликни, рядом буду.
- Иди!

Влас убежал, вернулся с кувшином холодной воды и чашами, выставил все на стол, поглядел с интересом на Серебряного. Много о нем слышал на Москве. Известный воевода и вельможа.

Гости напились, поставили на стол чаши, и Серебряный расстегнул ворот рубахи:

– Ну а теперь и поговорить можно. Карта у тебя с собой, воевода?

– Она всегда со мной.

– Стели.

Дмитрий расстелил на столе карту.

– Значит, так, Дмитрий Владимирович, сидению твоему в старом Кельберере подходит конец.

– И слава богу! Места себе от безделья не находим. По велению государя спешили сюда, как могли, а пришли – делов-то и нет.

– Будут дела. Поначалу доведу до тебя все, что касается предстоящих действий твоей доблестной особой дружины, так почитаемой царем.

Эти слова были приятны Савельеву, но князь сохранял серьезный, сосредоточенный вид.

– Слушаю, Петр Семенович.

– Иван Васильевич, насколько мне известно, довел до тебя происходящее в Великой Порте и Крыму.

– Да, перед выходом сюда довел.

– Ну, тогда я сосредоточусь на последних событиях. Кстати, подчиненная тебе дружина теперь опричный отряд?

– Нет. По крайней мере, пока.

– А пойдешь в опричники?

– Не думал об этом, Петр Семенович, хотя не вижу в установлении нового режима ничего плохого, – ответил воевода. – Этим государь идет по пути централизации власти. И потом, он всегда стоял на стороне народа, к боярам же относился с неприязнью. Не ко всем, конечно, но довольно к многим. И на это у него есть причины. Я видал изменников из среды вельмож, готовых ради собственной выгоды продать мать родную, и в то же время бился вместе с ратниками, что не жалели ни здоровья, ни жизни за Государство Русское. Разве не справедливо, что земли изменников изымаются и передаются тем, кто кровно заслужил награду государеву? Вдовам, сиротам воинов, отдавших жизнь за страну? Опять-таки не было бы никакой опричнины, если народ не поддерживал государя.

– Ты о так называемом отречении Ивана Васильевича? – вздохнул Серебряный.

– Ну почему так называемом? Государь в Александровской слободе в шестьдесят пятом году официально заявил об отречении от престола.

– Заявил, обвинив в этом изменников-бояр, что не дают единолично править.

– Про то не слыхал, но видел, как Москва тогда заволновалась, как простые люди, ремесленники, купцы бросали дела и шли к Кремлю, просить вернуть царя. И народ тогда кричал, что готов сам растерзать изменников. И как многотысячная толпа двинулась в Александровскую слободу. И только тогда, когда Иван Васильевич услышал, как просят люди не бросать их, он остался на троне и вернулся на Москву, введя опричнину. И еще. Ненависть Ивана Васильевича к боярам родилась у него с детства, когда опекуны всячески принижали его. Он помнит, как странной смертью почил отец его, великий князь Василий III, как отравили мать его, царицу Елену Глинскую, и... как сгубили любимую жену его Анастасию, а до того малолетнего сына Дмитрия. Я сам участвовал в поиске вельможи, который устроил то убийство и

который бежал за пределы государства. А также прознал от изменника лично, кто стоял за тем злодейством. И то, что государь не пощадил виновных, справедливо.

– Что ж, – произнес Серебряный, – ты ведаешь одно, я – немного другое.

– Мы можем ведать все по-разному, да так и должно быть, – воскликнул Савельев, – но обсуждать это в нынешних условиях не след!

– Вижу, как у государя множится число его преданных людей, – улыбнулся князь. – В опричнине власть крепнет. Григорий Скуратов скоро большим человеком станет, а после... – Он вдруг осекся и добавил: – Но достаточно. Давай к делу.

– Да, князь. Так оно лучше. Не для того же ты от Астрахани сюда добирался, чтобы об опричнине судить-рядить.

– Не для того. – Серебряный устроился удобнее, взглянул на казака. Тот изображал равнодушие к разговору князей. А может, на самом деле этот разговор был ему неинтересен. – Надежные люди в Бахчисарае передали, что Девлет-Гирей получил грамоту от султана Великой Порты Селима II. В ней мало из того, что не было бы известно нам ранее о замыслах османцев и крымчаков вернуть Астрахань. Ныне то же самое. Султан требует от хана похода на Астрахань и возвращения ее под влияние Константинополя и Бахчисарая. На этот раз Девлет вынужден был отреагировать на требование султана, которое довольно успешно игнорировал раньше.

– Отчего так? – спросил Савельев.

– Девлет узнал, что в объединенное войско должен прибыть царевич Крым-Гирей, которого после занятия Астрахани султан прочит новым ханом Астраханского ханства. Девлет же не может допустить этого, поэтому вынужден выйти в поход. На верфях заканчиваются работы по строительству судов для прохождения низовья Дона. В Азов из Константинополя свозятся большие запасы пороха, продовольствия. Посольство русское сообщило, что султан Османский решил назначить начальником всего крымско-турецкого войска наместника Кафы Касим-пашу. В Азове направляется флотилия для перевозки пушек по Дону до переволоки. Прояснился и план похода. Дойти до Астрахани по степи и переволоке, осадить крепость, провести штурм. Если не получится с ходу взять Астрахань, – а это не получится у басурман, – то на месте старого татарского городища встать лагерем и ждать усиления, а также удобного момента для повторного штурма. Не исключена и зимовка крымско-турецких войск.

– Как в посольстве русском в Крыму узнали о планах султана и хана?

– Это дело посла Афанасия Федоровича Нагого и его людей посольских. Подробности не ведаю, но Девлет-Гирей прознал о деяниях посла, и 10 числа Афанасия Федоровича и посольских людей арестовали. Их отправили в пещерный город Мангул на вершине горы Баба-Даг, окаймленной обрывами. Подобные действия всегда расценивались не иначе, как объявление войны.

– То значит, что крымский хан под влиянием османского султана объявил войну Руси?

– Официально – нет, но фактически да. Впрочем, это не важно. Важно то, что крымско-татарские войска на этот раз предпримут попытку взять Астрахань.

– Об этом и царь говорил. Однако не пойму, Петр Семенович, ты говорил, турки из Азова собираются поднять суда до переволоки, а это более двухсот верст. Но несколько веков назад переволока являлась, насколько мне известно, судоходной, она представляла собой неширокий канал длиной примерно семьдесят верст, сейчас же там такая же степь, как и здесь.

– Это так, – кивнул Серебряный, – но переволока – установившийся торговый путь, и купцы там часто нанимают рабочую силу, мужиков, лошадей, дабы перетаскивать суда от Дона к Волге. Многие лодки несут на руках. Там, на переволоке, это дело поставлено, а вот здесь, в степи, – нет. Но приоткрою тебе еще один, как мыслю, не самый умный план крымчаков и турок. Великий визирь Порты Соколлу Мехмед-паша добился-таки исполнения своего давнишнего плана – создание нового канала между Доном и Волгой на месте переволоки, дабы по нему водой к Астрахани могли выйти турецкие галеры, которые числом где-то в двести-три-

ста судов, их должен подвести константинопольский капудан-паша – командующий флотом. Для рытья канала к переволоке планируется вывести до тридцати тысяч копателей, которые, по моим данным, уже в Азове. – Он улыбнулся и добавил: – Осталось туркам и крымчакам всего ничего – прорыть канал.

– Это возможно?

– Мыслю, нет, а там... татары упертый народ, тем более что на работу у них есть кого привлечь, кроме своих рабов. Русских невольников в Крыму много. Да если еще дело пойдет под присмотром турецких янычар... Но все одно это строительство не на один месяц, за год не пророят. Да еще в условиях действий твоей малой, но сильной дружины.

– Что я должен делать, Петр Семенович? – глядя на Серебряного спросил Дмитрий.

– Первое, это дожидаться, когда по Дону начнут подниматься к переволоке крымско-турецкие суда, когда пойдет берегом расположения крепости Кельберек сухопутная рабочая сила, вернее, когда она двинется сюда от Азова, что должны заметить твои дозорные. Второе, как только произойдет первое, тебе надо срочно сняться из крепости и поначалу уйти в станицу Дугановку. Она на правом, противоположном берегу Дона, как уже говорил, в сорока верстах отсюда. – Серебряный кивнул на помощника атамана: – Макар покажет, как выйти и к станице. Далее атаман Лунин даст тебе сотню казаков, и с ней ты двинешься к началу переволоки, а точнее, смотри на карту. – Ткнув пальцем в нужное место, он продолжил: – Вот сюда, это также полуразрушенное, старое селение ногаев, Галурмак. До переволоки примерно десять верст. Рядом с развалинами дубовая роща, восточнее – городище Карачук. Оно вполне пригодное для размещения казацкой сотни. Вместе быть не следует. Задача одна – тревожить турок и татар, что будут рыть канал, жечь их суда на реке, склады с запасами. Враг не должен чувствовать себя в безопасности на переволоке ни днем ни ночью.

– А на что это? – спросил Савельев.

– Не понял, – удивленно посмотрел на воеводу Серебряный.

– На что, говорю, тревожить турок и татар, коли затея их с рытьем канала обречена на провал?

– Ясно, – кивнул князь. – Отвечаю. Девлет-Гирей не особо стремится использовать свою крымскую рать в этом походе. Но хан вынужден участвовать в нем. Ему любые сложности в данной аванюре только на руку.

– Но разве он не требовал вернуть Астрахань обратно под Крым?

– Требовал, куда крепостью не заинтересовался османский султан. Тогда Девлет затребовал передачу Москвой ни много ни мало, а Казани под его правление, грозя опустошающими набегами, а также Астрахани грозя в противном случае отдать ее туркам. Позже он обратился к царю с предложением заплатить огромные деньги в обмен на отсутствие крымчаков и союзных им ногаев Малой орды в этом походе. Государь отказал, предупредив хана о тяжелых последствиях данной аванюры для Бахчисарая. И вышло так, что хану этот поход не нужен, он желает ослабления Константинополя и султана Селима II Красноносого.

– Кого? – удивился Савельев.

– Не слышал прозвища правителя Порты?

– Прежнее, отца Селима, знал хорошо, Сулейман Великолепный, правда, почему его звали Великолепным, не понимаю. А вот красноносый Селим? Это слышу впервые.

– Такое прозвище ему дали в Османской империи его же подданные из-за чрезмерного увлечения спиртными напитками.

– Но он же правитель мусульманского государства. У мусульман пить вино нельзя.

– Кому нельзя, кому можно. Некоторые вельможи открыто называют султана пьяницей, но это все пустое. О чем я говорил? Да, крымский хан желает ослабления Селима. И мыслю, он будет всячески саботировать и рытье канала, и участие своих крымчаков в штурме Астрахани. Ему нужно, чтобы Селим здесь, между двух морей, потерял как можно больше людей. Также

я думаю, что Девлет-Гирей приложит усилия для обороны турецкой пограничной крепости Азов, если она вдруг подвергнется нападению.

– По-моему, князь, ты много недоговариваешь, – задумчиво произнес воевода.

– Пока хватит и сказанного. Но, признаюсь, ты прав, для дружины и казаков будет еще одно задание. Раскрывать его не имеет смысла, потому как исполнение его полностью зависит от того, как мы сбережем Астрахань. И на этом, Дмитрий Владимирович, у меня все. Есть вопросы, спрашивай. А если можно, оставь их хотя бы до вечерней трапезы. Честное слово, устал.

– Да, конечно, Петр Семенович, я распоряжусь, и вам с помощником атамана поставят топчан здесь же, в моей пещере, как я называю этот подвал. Кстати, вполне приличный подвал. Днем здесь не жарко, ночью приятная свежесть, ни ветер не продувает, ни дождь не беспокоит. А до того можете обмыться, есть у нас выход к мелководью реки, и походный иконостас для молитвы есть, ну, и трапеза скоро готова будет.

Князь и казацкий сотник переглянулись – и хорошо бы искупаться, да мочи нет, потому от купания отказались. Помолвились, потрапезничали, пока ратники дружины устанавливали топчаны и стелили белье, и завалились спать. Уснули сразу.

Савельев же перешел в соседний подвал, куда наказал Власу позвать отца его, Гордея Бессонова.

Уединившись, принялись обсуждать полученный наказ. Князь Серебряный, по высочайшему повелению Ивана Грозного, являлся начальником обороны Астрахани, и особая дружина должна была ему подчиняться. Теперь, как оказалось, не только дружина, но и казачьи станицы Дона.

Дмитрий довел до старого боевого товарища суть планов турок и крымчаков, а также то, что наказал князь Серебряный.

Выслушав воеводу, Гордей пожал плечами:

– Что ж, Дмитрий Владимирович, беспокоить басурман дело для нас не новое. То возможно вполне, да еще с поддержкой казаков. Не понимаю одного, что даст это беспокойство, коли и без него туркам и крымчакам не пробить канал до Волги. Я слышал, хазары им пользовались, но у них ушел на рытье чуть ли не век целый. А сейчас на переволоке, почитай, такая же сакма или шлях. Тащить галеры и другие боевые судна волоком? Это не под силу даже сотне османов. И даже если крымские мурзы отдадут на работы всех своих русских полонян, придется столько же к ним приставлять охраны, иначе разбегутся. Наши люди не станут горбатиться на татар, особенно усердствовать на работе не будут, а из крымчаков и тем более османов копатели еще те.

– Все это так, Гордей, – кивнул Савельев. – И поначалу кажется, что замысел князя Серебряного беспокоить татар и турок бесполезен, однако в нем есть смысл.

– Поделись, воевода, какой.

Дмитрий поведал Бессонову об отношении Девлет-Гирея к этому походу и о том, что с этим связано.

Бессонов особо не вникал в слова воеводы, разумел, наказ исполнять предстоит, посему выслушал молча и коротко бросил:

– Ну, это другое дело.

– Ох и хитер ты, Гордей Никодимович, ведь ничего ты не понял, – рассмеялся Дмитрий.

– Почему же, кой-что понял. Да и толку обсуждать наказ, который, хочешь не хочешь, а будем сполнять.

– Верно.

– Значит, ждем начала прохода по Дону турецкого флота?

– Не только. Турки и крымчаки пойдут также и сухопутным путем до переволоки. Это где-то двести верст. И вот тут наше пристанище окажется у них на пути. Заглянут сюда крымчаки?

– Я бы заглянул, – ответил Гордей.

– Посему выстави усиленные южные дозоры. Рать на выходе мы и из Кельберека завидим. А вот чтобы успеть отойти, нужно заметить сухопутные отряды крымчаков на дальних подходах.

– Может, посадить дозор и на сыпучую возвышенность? – предложил Бессонов.

– Слушай, Гордей, я с начала стоянки в разрушенной крепости слышу о возвышенности – сыпучая, на карте же она обозначена как безымянная. Просто возвышенность. Пошто люди прозвали ее сыпучей?

– Да склоны песчаные. Наверх лезешь, песок сыплется. Вот и сыпучая.

– Понятно. А далее, ближе к Азову, место для постоянного дозора есть?

– Так у тебя же карта, глянь, увидишь.

– На карте обозначены степь, которая разрезана малыми балками, да несколько голых от растительности холмов. Ты проводи разведку в том направлении и взгляни своими глазами, что от возвышенности до Азова.

– Да провести разведку и посадить дозор можно ближе к турецкой крепости. Ночью подвести и посадить у тех же холмов, оттуда Азов будет хорошо виден, особенно его причалы. – Гордей почесал затылок. – Вопрос в другом. Если крымско-татарская орда с работниками-копателями и рабами двинется на север, в нашу сторону, то дозорным скрытно с холмов не уйти. А заметят их крымчаки, охоту откроют. Наши же не поведут их к Кельбереку, станут в степь уводить. И сгинут.

– Понятно, – покачал головой Савельев. – Значит, ставим дозор на возвышенности.

– Да, но постоянным его делать какой смысл, Дмитрий Владимирович? Это провизию туда завозить треба, гонца для сообщений выделять. Лишние хлопоты только.

– Ладно, я сам приму решение по дозору.

На том и расстались.

К вечеру, к заходу солнца, князь Серебряный и помощник атамана проснулись. Посмотрели, как обустроены их десятки, искупались в реке, потрапезничали и вновь легли спать. Серебряный объявил, что его десяток уйдет из Кельберека в три утра, до утренней зари, затемно. Сотник Данилов не спешил, дозволил своему десятку отдыхать до общего подъема в крепости. А он проводился, когда солнце поднималось на востоке настолько, что тень от развалин вытягивалась на длину, в два раза большую высоты подъема светила.

Как Серебряный и планировал, он затемно увел свой десяток охраны. На прощание улыбнулся Савельеву:

– Надеюсь, мы еще увидимся, Дмитрий Владимирович. А нет, так действуй, как велел царь на случай падения Астрахани.

– Что ты такое говоришь, Петр Семенович?! Ты удержишь крепость.

– Дай-то Бог! Но следующее задание, сразу скажу, чтобы не маялся, будет связано с Азовом. Это все. Не тревожься за крепость.

Казачи же встали вместе со всей дружиной. Гордей Бессонов поднялся раньше и провел смену дозоров. Сегодня на возвышенность он отправил служивых татар Анвара Баймака и Ильдуса Агиша. К реке выставил Бояна Рябого, на пост наблюдения за восточной степью, куда ушел отряд князя Серебряного, – Бажена Кулика.

После молитвы и утренней трапезы помощник атамана Данилов подошел к Савельеву.

– Разговор есть, Макар? – спросил Дмитрий.

– Хочу объяснить, как безопасней дойти до нашей станицы.

– Это дело. Пройдем в подвал, где отдыхал, там и объяснишь.

Они прошли в подвал воеводы дружины, из которого уже были убраны лишние топчаны. Присели на лавки за стол, на котором лежала та же, что и ранее, карта, друг против друга.

– Князь, я тебе нужен? – образовалось в проеме лицо Власа Бессонова.

– Ты мне всегда нужен, Влас, – добродушно улыбнулся воевода.

– Понял, только дозволю до ветру сбегать?

– А что с подъема не сбегал?

– Так не хотелось, а щас приспичило.

– Беги!

– Я быстро!

Влас убежал, а Савельев кивнул казаку:

– Говори, Макар.

– А у тебя есть чем прочертить путь, не порезав карту?

– Кусок лучины возьми, подойдет.

– То подойдет.

Огрызком лучины казак повел линию по левому берегу, объясняя:

– От Кельберека поначалу верст двадцать вдоль Дона, затем, примерно здесь, – сделал он отметку, – отворачиваете на северо-восток, насколько, увидите, потому как придется обходить топкое место реки, как обойдете, поворачиваете к реке и опять идете по берегу до залива, что один на всем пути. Залив вдается в сушу где-то саженой на пятьдесят вглубь и имеет такую же ширину. Перед заливом, или, как у нас его называют, Тихой бухтой, берег обрывистый, но внизу полоса песка. Оттуда вас переправят на правый берег, где за сосновым бором, что будет хорошо виден, и находится наша станица. Вас увидят, потому как атаман постоянно выставляет смотрящего за рекой.

Савельев посмотрел карту и кивнул:

– Понял. Путь замечен отчетливо, не заблудимся.

– Вот и добре, а я атаману доложу о встрече, и мы будем держать наготове плоты для переправки коней и ратников.

– И все-таки удивительно, – заметил воевода, – ваша станица довольно близко к Крыму, а крымчаки вас только беспокоят, не разоряют.

– Слышал я, ты хорошо знаком с атаманом Багоном, это так?

– С Алексеем Михайловичем из станицы Степановки, да сотником Иваном Рыгло из поселка Крепин? – улыбнулся Дмитрий. – Как незнаком? Они спасли нас, когда ходили в земли Малых ногаев. Там же сотни кубанских казаков дюже помогли нам. За что им великое спасибо на времена вечные.

– Вот и ответ на твой вопрос. По Дону таких станиц сотня, в каждой от трех до десяти сотен казаков, что воюют лучше турецких янычаров и приспособлены ко всем условиям. В Крыму понимают, тронь нас крепко, разори одну-две станицы, уведем баб с детишками и стариками подальше от Дона и вернемся, но уже войском казачьим, и так набьем морды косоглазым мурзам, что до Перекопа не добегут. Оттого посланники хана постоянно навешиваются к нам, обещают в наши земли не лезть, но чтобы и мы в их дела тоже не вмешивались. Многие соглашаются, их понять можно, каждый в ответе за станицу свою. Народом избраны править и то худо. Не было бы договоренности с Крымом, объединились в союз с Москвой, тогда уже в начале шляхов их заграды ставили бы крепкие, и подумали бы крымчаки, идти ли на земли русские. Но союза нет, договоренность с татарами есть. Впрочем, это не мое дело.

Савельев улыбнулся:

– Тебя самого можно атаманом выбирать. Дело знаешь.

– Посчитают казаки нужным, выберут. Пока действующий атаман с обязанностями справляется. Наш Михайло Тимофеевич договоренностей с татарами не имеет, за Москву и

царя крепко стоит, как и атаман Багон. Посему особой дружине обязался помочь, чем только можно. И сотню выделить наказал. Их у нас пять, какую, не ведаю, то узнаешь в станице.

– Благодарствую, сотник.

– Не на чем, князь. Вы тут поосторожней, не упустите момента уйти вовремя и не прицепите к себе татарский хвост.

– Хвост ничто, от него избавимся, – сказал, улыбаясь, Дмитрий, – а вот как ваши казаки переправят нас, коли вверх по Дону пойдут суда турок?

– А затемно и переправим. Турки по ночам суда свои к берегам на стоянку ставят, режут баранов, обжираются и только засветло продолжают путь. Ночью ходить, по крайней мере здесь, они боятся. А нам переправить твои десятки с конями да телегами дело скорое.

– Понял, Макар, как тебя по батюшке?

– Да не привык я по батюшке, Макар и Макар. А вообще, как и ты Владимирович.

– Еще раз благодарствую тебя, Макар Владимирович, – улыбнулся Дмитрий. – Передай атаману, будем когда, пока неведомо, но, мыслю, уже в дни ближние.

– Добре. Поехали мы, князь!

– Счастливого пути!

Савельев с Бессоновым проводили казаков, и те быстро скрылись за северными пологими холмами. Проводив дорогих гостей, воевода взглянул на помощника:

– Коней смотрел, Гордей?

– А то как же. Пасутся покойно под присмотром Лешки Глухова и Бориса Сули. Воду вовремя и в меру получают. Надо бы погонять их по степи, дабы не застоялись.

– Рискованно то.

– А ночью?

– Ну, если только по берегу Дона на версту выше и обратно.

– Угу. Прогоним ныне же. О чем с сотником наедине договорился, если не секрет?

– Какие у меня могут быть от тебя секреты, Гордей. Пойдем к реке, по пути и поведаю, о чем гутарили и договорились.

На реке искупались, вышли на песчаный участок берега, узкий, короткий, но на двоих хватало, и Савельев рассказал Бессонову о беседе с казацким сотником.

– Ну, хоть так, не одни будем. Сотня казаков – это сила! – проговорил Гордей.

– Смотря против какого противника. Вернее, против какого количества врага.

– Ну, сотня казаков одолеет и три сотни татар.

– Если вооружены будут пищалями да иметь с десятков опытных лучников. Ладно, мы еще узнаем, что представляет собой станица атамана Лунина. Черт, змея! – вдруг воскликнул Дмитрий.

– Где? – вскочил на ноги Бессонов.

– Вон под кустом.

– Э-э, это же желтобрюх.

– А чего тогда отошел к воде? Он же не ядовитый.

– Не ядовитый, но агрессивный, как татарин, и кусает больно. А ну, кыш, пошел отсель! –

Гордей сломал ветку, ударил по змее, та дернулась к его ноге, и он резко отшатнулся:

– Вот черт поганый! Пшел, говорю!

Желтобрюх нырнул под куст и пропал.

– Принесло аспиду. Хорошо хоть не степная гадюка, этих тут много.

– Но больше в степи.

– Пойдем в крепость?

– Пойдем.

День прошел спокойно. От дозоров сообщений не поступало. Солнце подошло к закату, когда дружина, помолившись, пришла на трапезу. Провизия находилась в двух телегах малого

обоза, что притулились за остовом мечети. После трапезы Бессонов стал готовить ночной прогон коней и для этого собрал ратников. Он ничего не успел сказать, так как поступил неожиданный сигнал тревоги, с поста наблюдения за степью несколько раз крикнула утка-кряква.

– Что, Баян? – подошел к Кулику Савельев.

– Глянь в сторону возвышенности.

Воевода посмотрел. К разрушенной крепости галопом мчался конь Агиша.

– Интересно, – проговорил он, – что бы это значило.

– Подъедет, скажет. Может, турки и татары начали поход по суше? – ответил Кулик.

– Они должны идти либо вместе с судовой ратью, либо после нее, и мы видели бы большое облако пыли, солнце высушило землю.

– Тоже верно.

– Ладно, неси службу, я к южной стороне.

Савельев и Агиш подошли к крепости одновременно.

Агиш соскочил с коня, завел его за обломок стены.

– Что случилось, Ильдус? – спросил воевода.

– Басурмане пустили в нашу сторону ертаул – разведку.

– Турки или татары?

– Турки, татар мы бы узнали.

– Сколько их?

– Немного, шесть человек конных. У всех щиты, сабли, лучников нет.

– Не заметят Баймака?

Агиш взглянул на князя так, словно тот что-то несурзное сказал:

– Баймака? Никогда!

– Ладно. Объяви всем тревогу, чтобы укрылись в подвалах надежно. Никому не высываться.

– А кони?

– Увести берегом на север. Телеги с провизией втащить в цитадель.

– А если увидят османы? Телеги не так просто спрятать. Да и сакма от коней на берегу останется.

– Если прознают про дружину, то будем рубить, – решительно произнес Савельев. – Все действия по моей команде. Передай наказ Бессонову и возчикам и возвращайся ко мне, будем смотреть за незванными гостями.

– Слушаюсь!

Агиш ушел, но скоро вернулся и доложил:

– Все Гордею передал, а также сказал Суле, чего треба сделать. Ратники телеги пытаются в уцелевшую башню цитадели завести, коней возчики повели на север. А как тут?

– Турки в версте. Идут в линию, Баймака не заметили, иначе на возвышенности была бы сшибка.

– Это уж точно, – кивнул Агиш.

Ертаул татар подъехал к полуразрушенной крепости, встал на южной стороне. Турки внимательно смотрели на Кельберек.

– Лишь бы наши не высунулись, – вздохнул Дмитрий.

Постояв немного, турки собрались возле своего начальника. Тот что-то наказал, и они разъехались – двое в обход восточной стороны, двое к реке, остальные двинулись прямо в крепость.

– Это уже худо, – покачал головой воевода и достал саблю.

Вооружился и Агиш. Они, согнувшись, перебежали к поваленной городье и в кустах замерли.

Старший ертаула с воином проехали мимо князя и служивого татарина. Савельев и Агиш неслышно, прячась за глыбами камня и глины, двинулись за ними. Им было проще, они передвигались пешком. Но проще до тех пор, пока турки не замечают их. А если заметят, ситуация сразу изменится. Пешими биться саблями против конных занятие неблагодарное. Но пока старший ертаула и рядовой разведки преследования не замечали.

Они подъехали к площади у остова мечети. Осмотрелись. С востока подъехали еще двое, чуть позже двое от реки, и вражеский ертаул вновь собрался вместе.

– Перебить бы османов и все дела, – проговорил Агиш. – Пока их хватятся, уйдем к казакам. Все одно уходить, так, может, раньше лучше?

– Перебить их не сложно. Только свистнуть, и наши вылетят из подвалов, собьют копьями с коней, порубят... – начал князь.

– Да всем ратникам и не надо выходить, – перебил его Агиш. – Хватит одного Горбуна с его шестопером. Тот сдуру завалит и турок, и коней их.

– Не можно то, Ильдус. Забив ертаула, мы выдадим себя. Турецкий начальник войсковой узнает, что за его ордой смотрят. А кто может смотреть? Казаки? Им в Кельбереке делать нечего. Да и договоренности у басурман с казаками. Тогда кто? Значит, недруг, что готов бить их. И тогда турки примут меры усиления и охраны. Нам это не надо. Если и бить османов, то в самом крайнем случае.

– Ты начальник, тебе решать. Смотри, ертаул двинулся в обход мечети к цитадели, ну, сейчас все планы и наши, и их спутаются.

Турецкий отряд дошел до оставшейся стены и остановился.

Почему старший ертаула не повел своих янычаров дальше, только ему и ведомо. Главное, он не повел их в цитадель. Спешился, прошел вдоль обломков стены. Что-то поднял с земли. Приглядевшись, Савельев увидел, что турок сорвал цветок.

– Ты смотри, как девка, цветок для венка сорвал.

– Я бы этой «девке» башку одним ударом саблей снял бы.

– Молчи и смотри! – наказал князь.

Потеребив в руках цветок, старший отряда бросил его, вскочил на коня и двинулся к речной стороне. За ним последовал и весь отряд.

– И чего они пошли туда? – удивился Агиш. – Ведь там же были уже двое, может, тропу нашу заприметили?

– Тропа дальше, севернее, а где турки, там обрыв.

На обрыве ертаул и остановился. Смотрел, как нес свои воды величественный Дон. Старший громким голосом подал команду, и ертаул, продвигаясь по берегу, повел коней обратно в сторону возвышенности.

– Ты чего-нибудь понял, Дмитрий Владимирович? – посмотрел на воеводу Агиш. – Турки, которых прислали сюда, воины опытные, а разведку провели, словно отроки, только начавшие обучение военному делу.

– Как бы, Ильдус, старший османов не обманул нас, – поглаживая бороду, заметил Савельев.

– Ты это о чем?

– Увидел следы и еще чего, что указывает – в крепости кто-то есть. Но кто и сколько, узнавать опасно. Посему сделал вид, что ничего не заметил, и увел отряд. А дойдет до Азова, доложится аге или бею о своих подозрениях, и пойдет к Кельбереку рать немалая.

– И что? Будем ждать?

– Ничего другого не остается. Ты пойдешь, передай Гордею, что разведка турок ушла, пусть вновь выставят посты, а остальным попусту бродить по крепости запретить.

– Понял.

Большая рать турок не пришла, значит, старший ертаула ничего не заподозрил. А вот по реке пошли первые галеры, галиоты, вспомогательные и торговые суда. Пока их было мало. Шли по одному судну, соблюдая дистанцию. За веслами сидели рабы – гребцы. Ветра не было, и ставить паруса не имело смысла. Появление судов означало скорый выход из Азова и сухопутных сил.

Два дня дружина Савельева смотрела на проходившие суда. И как только большое пыльное облако поднялось на юге, со стороны крепости Азов, после вечерней молитвы и трапезы воевода особой дружины отдал наказ собраться и идти к условленному месту для переправы к казакам.

Дружине удалось скрытно уйти из Кельберека, убрав все следы своего стояния там, подобрали даже конные «яблоки» – лошадиный навоз. Шли по пути, который проложил помощник атамана Лунина, Макар Данилов. Следовало пройти сорок верст. Движение притормаживали обозные телеги, но до полуночи вышли к Тихой бухте.

Оставив дружину в кустах, Савельев с Бессоновым проехали на песчаный берег. На том берегу их увидели, зажгли факел. То же самое сделал Гордей. Сигнал был принят, и к восточному берегу пошли три плота в сопровождении десятка малых лодок с казаками.

Глава вторая

За месяц до этого. Москва.

Князь Савельев с женой и сыном с утра поехали проведать родственников, князя Острова и его супругу, княгиню Василису Гавриловну.

Родители Ульяны приняли гостей радушно. Прошли годы со свадьбы и рождения внука, внутренние распри позабылись, жили по-доброму. Колымагу Савельева установили во внутренний двор, где гостей уже ждали хозяева. По обычаю обошли подворье, посмотрели сад, огород, конюшню. Все ухожено, чисто. Князь Остров держал прислугу крепко. Не сказать, чтобы в «ежовых» рукавицах, но послаблений особых не давал. Тако же и в вотчине. Под стать ему была и Василиса Гавриловна, строгая, красивая женщина, которую, казалось, годы не только не старили, но делали только краше.

После положенного традицией обхода поднялись в горницу, где был накрыт стол со всевозможными яствами. Выставлены кубки и с хлебным вином, и с заморским, и с пивом, и с медовухой.

Приступили к праздничной трапезе. Сын Савельева, шестилетний Владимир, названный так в честь отца Дмитрия, озорничал. Ему это здесь позволяли, так как дед и бабка души в нем не чаяли. Ульяна сделала замечание и отправила отрока гулять в сад, строго запретив выходить на улицу.

Выпили, закусили, повели разговор. Все больше о новых порядках, названных опричниной, введенных царем в 65 году.

Князь Остров был против нововведения.

– Ну скажи мне, зять, зачем было делить государство и людей на опричнину и земщину? Разве без того нельзя было обойтись?

Савельев же, который во всем поддерживал государя, напомнил:

– А ты, отец, вспомни, как все было? Иван Васильевич не издал Указа о новом порядке, он вынес это на решение народа.

– Что-то я, Дмитрий, не слышал, чтобы в Боярской думе то обсуждалось, да и среди вельмож знатных. Ни на Москве, ни в других землях.

– Я сказал о народе, а не о знати.

– Но и среди людишек простых такого не было.

– Да, царь поступил по-другому, – кивнул Савельев. – Многие бояре пытались противостоять ему. Один заговор десятилетней давности, когда ближние вельможи по настоянию княгини Ефросинии Старицкой во время огненной болезни Ивана Васильевича отказались принести присягу законному наследнику, чего стоит. Ведь тогда бояре и княгиня Ефросинья хотели видеть на престоле князя Старицкого. И это при живом государе и наследнике. Подавил тот заговор царь непомерным усилием воли своей. И разве казнил или отправил в ссылку Старицких? Нет, он послал их в свой удел. А потом, в 54 году, когда у царя родился сын Иван, вернул родственников. Более того, назначил Владимира Андреевича Старицкого опекуном сына и прямым наследником в случае смерти Ивана Ивановича. Это всего лишь один пример. А что было потом? Бояре, не все, конечно, но весьма влиятельные и сильные, открыто срывали усилия государя по централизации Руси, что не могло не вызвать ужесточение власти. Но и тут государь не пошел на подавление воли своевольных бояр. Если помните, отец, он с семьей выехал из Москвы в Александровскую слободу и там в начале января месяца объявил о своем отречении от престола в пользу старшего сына Ивана Ивановича. Что тогда произошло на Москве? Бояре, стоявшие против государя, возрадовались, вот он, переломный момент, можно власть и трон без крови брать, сажать на него юнца, как когда-то самого Ивана Васи-

льевича, назначать опекунский совет, вводить в него своих людей и править. И так было бы. Но... Москва восстала. И восстала не против царя, а против тех бояр, что радовались отречению. Если ты не помнишь, то я помню, как Кремль заполнили тысячи москвичей, разъяренных изменой бояр. Что сделала Боярская дума? А то, что ничего другого сделать не могла. В Александровскую слободу отправилась большая делегация просить Ивана Васильевича вернуться на царство. И вновь тысячи тысяч людей сопровождали ее. Тогда государь выставил условие об учреждении опричнины. С ним во всеуслышание согласились все. Я подчеркиваю особо – все. И мятежные бояре в том числе. Так что сейчас упрекать царя в том, что было принято годы назад?

– Достаточно, Дмитрий, – поморщился князь Остров. – Все, тобой сказанное, мне известно, но согласишься и ты, что государь иногда допускает излишнюю жестокость по отношению к своим подданным.

– По отношению к боярам, что пытаются свести на нет реформы в государстве, да, но так и должно быть. В отношении люда простого – нет. Ну, если только против лихих людей, убийц, грабителей, воров. Тех он также не жалеет.

– Князья, хватит вам о власти, больше поговорить не о чем? Разве у нас нет других забот? Или мы не можем просто так, по-семейному отобедать? – вступила в разговор княгиня Острова.

– И действительно, что-то вы разошлись, – поддержала мать Ульяна. – Хлебное вино в голову вдарило?

– Водка тут ни при чем. Я выйду во двор, душно что-то тут, – сказал Савельев.

– Ступай, Дмитрий, – поддержала его жена, – охолонись. И отец успокоится. Ведь жили же мирно, пошто ныне-то заводить ссору?

Савельев поднялся, но выйти не успел – на пороге горницы объявился ключник князя Острова:

– Извините, хозяева, извиняй, князь Степан Гордеевич, гонец к нам прибыл.

– От кого? – в один голос спросили Остров и Савельев.

– От князя Крылова Юрия Петровича к Дмитрию Владимировичу.

– Вот и посидели, погутарили, – усмехнулся Остров. – Ступай, Дмитрий, коли Крылов зовет. А чрез него, мыслю, сам государь. Ты же незаменимый воевода на Москве.

– Давай, Степан Гордеевич, без этого, без ерничества, – повернулся к тестю Савельев.

– Ну что ты, Дмитрий, какое ерничество! Я вельми горжусь, что у меня такой зять.

Ульяна поднялась проводить мужа и поехать с сыном домой. Без него она не оставалась у родителей. В отсутствии мужа жене след смотреть за хозяйством, а не ходить по гостям.

– Останься, Ульяна, не обижай родителей, побудь с ними, – на этот раз остановил ее Дмитрий.

– Ты так хочешь, – глядя ему в глаза, спросила Ульяна, – или говоришь из-за приличия?

– Хочу.

– Добро, я останусь, но тогда дождусь тебя здесь.

– Хорошо, заеду сюда, как освобожусь. Не смогу, гонца пришло.

Савельев поклонился тестю, теще, перекрестился на образа в красном углу, вышел из горницы. В сопровождении ключника спустился по лестнице во двор, где увидел неизвестного воина, чему немало удивился:

– Доброго здравия тебе, воин! Не ведаю, как звать, – поприветствовал он гонца.

– И тебе того же, князь. А звать меня просто – Иван, я недавно у князя Крылова.

– Как нашел меня?

– Поехал на подворье твое, сказали, ты у родителей жены, вот я и сюда.

– Что велел передать князь Крылов?

– Чтобы ты ехал к царю.

- Вот как? И куда ехать? В Кремль?
- Нет, на опричный двор.
- Князь Крылов уже там?
- У него, Дмитрий Владимирович, другие заботы.
- Ясно.

К Савельеву подвели коня, а гонец меж тем продолжил:

– Ты езжай прямо на двор, там тебя свободно пропустят, о том Григорий Лукьянович озаботился.

- Это Скуратов, что ли?
- Он.
- Странно, ни чинов, ни титулов, а, почитай, первый у государя человек.
- И так бывает.
- Ты не со мной?
- Нет, князь, у меня еще дела на Москве!
- Добро!

Князь Савельев направился к опричному двору. Проехал мост через реку Неглинную, остановился у Северных ворот двора, и опричная стража пропустила его. Вторую остановку ему пришлось сделать у дворца, представляющего собой два одинаковых здания, соединенных между собой крытым переходом. Там его ждал человек в богатой одежде, он и подал знак на остановку.

– Меня государь вызвал. Где его палаты? – прыгнув с коня, спросил Дмитрий.

– Доброго здравия, Дмитрий Владимирович! – улыбнулся тот.

– Доброго, не ведаю, как называть-величать.

– А зови Григорием Лукьяновичем.

– Уж не Скуратов ли твоя фамилия?

– Скуратов-Бельский. Царь зовет еще Малютой. Мыслью, скоро многие так называть будут. А чего ты напрягся, князь, слышав мою фамилию?

– Да слухи о тебе разные ходят. Будто ты первый при царе человек, хотя ни чинов, ни титулов не имеешь.

– Как не имею? В опричнине я – пономарь, заступник царя, охранитель его.

– Но больше советник, так?

– Да какая тебе разница, князь Савельев, ты тоже не последний на Москве человек и так же близок к государю. Много ли вельмож имеют к нему прямой доступ? Да еще слышал, услугу ты со своей дружиной Ивану Васильевичу великую оказал.

– Ты о князе Ростове?

– О нем.

– Было дело.

– Но ладно, пошли, царь ждет тебя.

Они прошли в левый дворец, стража расступилась, беспрепятственно пропустив их. Поднялись по лестнице в широкий коридор, оттуда в залу, из нее опять в коридор, но уже скрытый, из него в малую, освещенную свечами залу без окон. В кресле, наподобие трона, сидел царь Всея Руси Иван Васильевич Грозный. Завидев Савельева, он улыбнулся:

– Рад видеть тебя, князь! Как живешь-поживаешь? Как семья?

– Слава богу, все хорошо. Благодарствую за внимание, государь.

– Садись на лавку слева, а ты, Малюта, стой у двери.

– Может, мне лучше выйти? – спросил Скуратов.

– А и выйди. Жди князя Крылова.

– Слушаюсь! – ответил Малюта и ушел.

– Ты, Дмитрий Владимирович, пожалуй, лучше всех из наших воевод московских ведаешь, что собой представляет юго-восток, да и юго-запад земель наших, – обратился царь к Савельеву.

– Может, так, может, нет. Не знаю, – пожал тот плечами.

Государь поднялся, стуча посохом, начал ходить по малой зале – пять шагов влево, пять вправо, к двери, от нее к креслу – и по ходу повел речь:

– Поначалу известие о присоединении нами Казани и Астрахани в Константинополе должной озабоченности не вызвало. В Порте тогда были свои заботы. Мятеж самозванца, выдававшего себя за казненного сына султана Сулеймана, Мустафу, потом распри между наследниками Селимом и Баязидом, которые перешли в вооруженное столкновение. И лишь в 63 году султан заметил, что Порты и Крым лишились земель своих и ханств. Он тут же отдал наказ хану готовить поход на Астрахань. Но Сулеймана Великолепного не поддержала крымская знать. А все из-за того, что Девлет считал себя полноправным правителем Крыма, а Сулейман все время напоминал о вассальной зависимости крымского хана от Османской империи. Девлет-Гирей пытался свести «на нет» влияние Константинополя, но это не удавалось. Ему приходилось считаться с турками, ибо в Крыму стоят их крепости с гарнизонами. Да и если начнут тревожить соседи, Девлету не к кому обратиться за помощью, кроме султана. С другой стороны, возврат Астрахани означает значительное усиление Османской империи на Дону и Волге, а это и усиление зависимости Бахчисарая от Константинополя. В результате в Крыму сложились группировки, что ведут между собой борьбу за влияние. Но сильнее оказались те, кто поддерживает Османскую империю. К чему я все это говорил? – спросил Иван Грозный и тут же сам ответил: – А к тому, что Константинополь и Бахчисарай вновь вернулись к планам захвата Астрахани. В Крым прибыл посол султана Селима II. Об этом прознали в нашем посольстве и провели работу по выяснению целей этого визита. Русский посол Афанасий Федорович Нагой сумел заманить подарками и угощением в посольство османского посланника и узнать то, что требовалось.

Иван Васильевич обошел несколько раз залу, вернулся к креслу-трону, присел, отставив посох к стене, и продолжил:

– Я не упомянул великого визиря Сиятельной Порты Соколлу Мехмед-пашу и при султанине Сулеймане Великолепном, и при Селиме II. Он всегда был ярким сторонником подчинения Астрахани и организации походов на Казань. Ранее еще при хазарах, между Волгой и Доном, городами Атиль и крепостью Сакел проходил водный путь, что позволяло местным купцам вести активную торговлю. То было веков пять назад. Постепенно засуха, ветер, ил, отсутствие ухода осушили канал и превратили Волго-Донскую переволоку в сухопутный путь. Так вот, великий визирь вынашивает мысль вновь прорыть этот канал. То первая цель, которую он желал достичь при принятии похода на Астрахань. Канал позволил бы турецким галерам заходить по Азовскому морю в Дон, из него через переволоку на Волгу и к Астрахани. Это бы весьма усилило положение Османской империи в том районе и поставило бы под угрозу Астрахань. Османы и крымчаки могли водой и сушей перебрасывать к крепости огромные силы, снабжение которых осуществляли бы и из Азова. Вторая цель – ослабление казачества на юге, что становится серьезным препятствием для орды при набегах на земли русские. Ну и третья цель – духовная, она боле отвлекает, чем играет какую-то важную роль. Владение нами Астраханью осложняет передвижение мусульманских паломников к их святыням. Хотя иногда такая вот, казалось бы, отвлекающая цель может нести в себе главную угрозу. В общем Соколлу Мехмед-паша во многом способствовал принятию решения о походе на Астрахань. Однако тут Девлет-Гирей повел интересную политику. Ему невыгодно усиление Османской империи, которая с выходом к Каспию получила бы и дополнительные преимущества в борьбе с Персией. Война с персами Крыму совершенно не нужна, а султан заставил бы воевать. С другой стороны, Девлета манит возможность взять большую добычу при помощи турок. Как

стало известно, сейчас он посылает в Константинополь донесения о сложностях предстоящего похода, особенно перехода через степь безводную, а также о том, что я будто бы отправил в Астрахань большую – тысяч в шестьдесят – рать. Ведет Девлет и дипломатическую игру. Хан предложил заплатить ему, чтобы он не поддерживал Османскую империю, и тогда турки без Крыма ничего сделать не смогут. Я отказал, он стал грозить, при этом все же пытаюсь сорвать поход. Однако великий визирь Мехмед-паша, имеющий влияние на султана, добился своего. Молодой правитель империи жаждет военной славы, на это и был расчет визиря. Селим II принял решение на поход. Более того, Соколу Мехмед-паша настоял на том, чтобы общее начало над войсками осуществлял бейлербей – наместник Кафы, черкес Касим-паша, или Касим-бей, как его называют в Крыму. Также визирь добился от султана и обещания утвердить в Астрахани, после ее захвата, царевича из рода Гиреев.

Савельев протер платком лоб, в лишенной окон малой потайной зале было душно, и покачал головой:

– Ну, и кружева, такие и на торговых рядах у знатных наших мастериц по вышивке не увидишь.

– То есть политика, князь, – подняв вверх палец, проговорил Иван Васильевич.

– И как все это ты запоминаешь, государь?

– Так на то я и правитель, чтобы ведать о происходящем вблизи и вдали государства. А запоминаю легко. Это у меня, наверное, от родителей, от мамы, Елены Глинской. Дюже умной она была женщиной. И меня в малолетстве всему учила, тогда, когда мне гулять, играть хотелось. Это потом... когда ее отравили... не до учебы стало... но... вернемся к теме. Тебе, Дмитрий Владимирович, запоминать сказанное не обязательно. Следует понять следующее. В 69 год, летом, крымско-турецкое войско попытается взять Астрахань. В стане противника единого духа нет, только распри. Несомненно то, что басурмане попытаются рыть канал на переволоке, Османская империя выделяет большие силы для похода, в том числе и плавную рать на галерах, других судах. Тебе надо запомнить, что крепость Азов на время похода басурман будет основным пунктом снабжения. Туда османы и крымчаки свезут пушки, порох, провизию, там на причалах разместят флот. И еще, защищать Астрахань от войска Селима и Девлета будет рать князя Петра Семеновича Серебряного. Подведем мы к крепости и войско князя Ивана Дмитриевича Бельского, но то на крайний случай, если крепостная рать попадет в отчаянное положение. Тебе же, князь, в течение ближайших дней подготовить особую дружину для перехода к турецкой крепости Азов...

Савельев с удивлением посмотрел на царя. Что сможет его дружина из двух неполных десятков против тысяч ворогов?

Государь оборвал речь, так как в зале появился Скуратов.

– Дозволь доложить, государь? – спросил он с порога.

– Докладывай.

– Князь Крылов прибыл. Ждет внизу.

– Проведи его сюда! – распорядился Грозный.

– Слушаюсь!

Через какое-то время в залу вошел Крылов и поклонился царю:

– Долгих лет тебе, государь!

– И тебе, Юрий Петрович, лет долгих и здоровья крепкого!

– Благодарствую, государь.

– Садись, князь, – указал на место рядом с Савельевым Иван Васильевич.

Крылов присел и поприветствовал Дмитрия.

– Приятно видеть вас вместе, – улыбнулся царь. – Но продолжим. Юрий Петрович ведает о задании дружины, оттого и начал ныне заниматься составлением обоза, дорога вскоре предстоит долгая, да и дел на месте много. Вернемся к переволоке. Тебе, Дмитрий Владимирович,

след выставить свою дружину в место, указанное на карте. – Достав из-под кресла свиток, он передал его воеводе.

Савельев посмотрел и уточнил:

– Бывшая крепость Кельберек недалеко от Азова?

– Да, князь. Путь также указан.

– Вижу. Долгий путь, обходной, почему так, дозвожь спросить?

– Для того чтобы дружина прошла к Кельбереку скрытно. На карте указаны места, где вы можете останавливаться, отдохнуть. И только там, больше нигде.

– Уразумел, государь. Дружине придется пройти более тысячи верст – это, с остановками, обходами, месяц, а то и более.

– Вам надо быть в крепости в конце этого месяца. Так что поторопитесь.

– Дозвожь вопрос, государь?

– Конечно, спрашивай.

– Зайдем в Кельберек, а дальше что?

– Ждать. Покуда не встретитесь с князем Серебряным либо его доверенным человеком, а также с представителями Донского казачества. Но последнего может и не быть. Как получится. Петр Семенович передаст задание дружине.

– Понял.

– Что по обозу, Юрий Петрович? – повернувшись к Крылову, спросил Грозный.

– Да вот надо обговорить подробности с Дмитрием Владимировичем. Я дело сделал, то, что треба, собрал, но решение, чего брать, принимает воевода.

– Это так! Добре, решайте. И побыстрее. Ты, Юрий Петрович, потом лично доложи, когда ушла дружина.

– Да, государь.

– Желая удачи, храни вас Господь! – поднявшись, произнес царь и ушел за печь, где была потайная дверь.

Крылов с Савельевым поспешили во двор.

Там их ожидал Скуратов.

– Его нам только и не хватало, – недовольно поморщился Крылов.

– Тебе не по душе царский советник и охранник? – взглянул на князя Савельев.

– Не по душе.

– Почему?

– Не знаю, Дмитрий, и ничего худого Скуратов мне не сделал, напротив, выказал желание помочь в сборе обоза, а не нравится мне он.

– Опричник не девица, чтобы нравиться, Юрий Петрович.

– Тоже верно, но такие...

Вельможи замолчали, так как Скуратов уже подошел к ним.

– Меня обсуждали, князь? – улыбнулся он.

– Нет, Григорий Лукьянович, не тебя, – ответил Крылов. – Да и чего тебя обсуждать? Всем и без того ясно, что ты сейчас самый близкий человек к государю, нравится это кому-то или нет.

– Более не нравится, ведь так, князь? – усмехнулся Скуратов. – Какой-то выскочка, всего лишь «голова» в рати, да пономарь на опричном дворе.

– Ничего, скоро и чины, и титулы получишь. Царь верных людей не обделяет милостью своей. А обсуждали мы задание предстоящее.

– То дело, – кивнул Скуратов.

– Хотел что-то добавить, Григорий Лукьянович? – спросил Савельев.

– Нет. Государь все сказал.

– Откуда тебе ведомо, ведь не присутствовал же при разговоре?

– А мы все до того обсуждали. Задание сложное. Если турки или крымчаки у своей крепости зацепятся за вас, то никто не поможет. Ни князь Серебряный, чья забота оборонять Астрахань, ни князь Бельский, который должен подвести войска, ни казаки. Обложат татары и турки – конец.

– Поверь, Григорий Лукьянович, я знаю, как воевать в тылу врага. Не впервой, – ответил Савельев.

– Слышал и восторгаюсь, однако осторожность не помешает. Но ты прав, князь, не мне тебя учить. И все же желаю исполнения наказа и благополучного возвращения домой.

– Спасибо.

Скуратова окликнул опричный десятник, и он, попрощавшись, ушел.

Князя Крылов и Савельев выехали с опричного двора. За мостом через Неглинную Дмитрий спросил:

– Ты говорил, Юрий Петрович, что занимаешься обозом?

– Да, и хочу, чтобы ты поглядел, что сделано. Может, добавишь чего, может, уберешь.

– И где он?

– Как обычно, у меня на подворье. Там, – улыбнулся Крылов, – можно и вина выпить заморского.

– Не люблю я того, лучше уж водки нашей.

– И той в достатке. Ко мне?

– К тебе!

Три телеги обоза стояли в дальнем дворе. Новые, крепкие, колеса смазаны, кузова объемные, каркасы с плотной материей. Внутри мешки с крупами, сахаром, солью, солониной, копченостями, мукой. Всем, что необходимо для длительного похода. Третья телега была пустой, в ней солома, покрытая той же материей, спереди и сзади накидки, полога.

– Это для отдыха ратников и не дай бог для раненых или павших, что не похоронить на чужбине, – пояснил Крылов.

– Три телеги для двух десятков ратников слишком большая обуза, – покачал головой Савельев. – Хватит двух телег с провизией. Туда след положить пару пищалей, порох, заряды, накидки и полога. Отдохнуть ратники и в них смогут, да и на то есть привалы. Раненых, если что, перевезем в них же или на конях освободившихся. Павших... Тако же.

– Тебе видней. Значит, еще две пищали с зарядами и порохом?

– И тройку луков крепких, да колчанов со стрелами в каждом по тридцать штук. Пеньки да смолы для них же, чтобы зажигательными сделать. Ну, и огнива.

– Огнива уже лежат в телегах. Остальное добавлю. Щиты возьмешь?

– То решит каждый сам. Кому надо, возьмет. Кроме этой провизии у воинов будут сумы с провизией из дома на три-четыре дня.

– Ладно. Завтра все будет готово.

– Тягловые лошади как?

– Добрые, да сам глянуть можешь, в конюшне они.

– Пойдем глянем. Возчики на подворье?

– Ныне отпустил, конюхи есть.

Они прошли на обширную конюшню князя Крылова. Молодые, крепкие лошади стояли там отдельно, в крайнем загоне, жевали свежее сено.

– Эти пойдут, – осмотрев их, одобрительно проговорил Савельев. – Лошади хорошие, с ними путь пройдем.

– На какой день мыслишь выйти из Москвы? – спросил Крылов.

– После воскресенья, на понедельник.

– Это чрез три дня. Успеешь подготовить дружину?

– А чего ее готовить, Юрий Петрович? Только кликни, и соберется отряд в полной готовности. Три дня треба, чтобы ратники родных своих подготовили к разлуке длинной, мысля, этот поход не короче ногайского будет.

– Если не длинней!

– Или так.

– Ну что, – взглянул Крылов на Савельева, – в дом? В горницу? Потрапезничаем, вином побалуемся.

– Давай, не все же в делах да заботах быть.

– Ты вроде как ныне у родственников гостевал.

– Гостевал, – вздохнул воевода. – Лучше бы дома остался, но Ульяна хотела, отказать не мог. Кроме того, внуку треба своих деда и бабку видеть.

– Эх, чую, не пошел у тебя разговор с князем Островым.

– Не пошел. Да и ладно. Все уляжется, Ульяна у меня похлеще любого чина из Посольского приказа будет, сгладит отношения.

– Да, Ульяна у тебя умница.

Солнце было уже в зените, когда Савельев выехал с подворья Крылова и направился ко двору своего помощника Гордея Бессонова.

Влас, сын Гордея, завидев князя, бросился к воротам, открыл их:

– Доброго здравия, Дмитрий Владимирович, заезжай.

– Отец дома? – соскочив с коня, спросил Савельев.

– В саду, городьбу правит, позвать?

– Да, я посижу в тени на лавке.

Влас сбегал в сад, вернулся с Бессоновым.

– Приветствую, князь! По делу али так, проведать заехал? О, да я вижу, ты под хмелем.

– С князем Крыловым посидели у него в горнице.

– То тоже надо иногда.

– А заехал я к тебе, Гордей, по делу.

– Слушаю, Дмитрий Владимирович, – присев рядом с князем, сказал ратник.

Савельев поведал ему задание государя. Бессонов внимательно выслушал и почесал бороду:

– Так, значит. Вновь в южные земли? На Дон? Там и земли ногаев недалеко, к ним в «гости» не заглянем?

– Это как получится, может, и навестим.

– Ох, и злы они на нас.

– Бывает.

– Это так.

– Ныне, Гордей, след дружину оповестить о походе. На сборы три дня, в понедельник поутру тронемся.

– Боюсь, всех оповестить не смогу и до понедельника дружину не соберу, – покачал головой Бессонов.

– Пошто так?

– Так Икрам Гардай и Рустам Туран, наши касимовские татары, к себе в Касимов вчерась подались.

– Кто позволил? – нахмурил брови Савельев.

– Ты уж извиняй, Дмитрий Владимирович, я дозволил.

– Пошто меня не спросил?

– Спешили татары наши, я поехал к тебе, а ключник поведал, что ты в вотчину свою уехал до вечера.

– Собирался, но не поехал. И после обеденной молитвы дома был.

– Но я-то про то не ведал, посему решил отпустить.

– Не след боле того делать, Гордей.

– Не буду.

– А чего это так спешили наши касимовцы?

– Так по наказу государя земли им у Касимова выделили, забрать треба было, оформить все с местным правителем.

– Ну, может, и верно решили. В Касимовском ханстве правит хан Саин-Булат, пользующийся особым расположением государя. Иван Васильевич многих воинов касимовских земель одарил. Это добре, что не забыл и наших славных воинов. Им действительно треба узаконить права, а то потом не найдешь земли своей. И вовемя, поход обещает быть долгим.

– Значит, не гневаешься на меня?

– Гневаюсь, но прощаю, – улыбнулся Дмитрий. – Когда должны вернуться касимовцы?

– Крайний срок – понедельник.

– Ладно, они соберутся быстро,ждемся.

– Ну, а остальных ныне вечером объеду и оповещу.

– Коли кто не может идти в поход, тут же извести меня.

– Да я, почитай, каждый день наших вижу, кого на подворьях соседских, кого на рядах.

Горбун вон опять в скандал попал с бабами своими.

– А у него чего?

– Так передрались его торговка и купчиха. Осип же неугомонный. То одну затащит к себе, то другую, и это уже который год длится. Может, думал, бабы не ведают про то. А они не дурнее Горбуна. Сошлись на подворье его, шума было, как на сечи сотен супротивников.

– И когда успокоятся? Женить его треба.

– Треба, да только где подходящую порядочную девицу или бабу отыскать? Сколь уже пытались. Так с Клавой и Зинкой и крутится.

– В походе ему не до них будет.

– Это так, хотя кто знает, может, казачку какую встретит.

– Вот то было бы самое лучшее.

– Не спорю.

– Ладно. Поехал я, Гордей. В воскресенье встречаемся у меня.

– Понял. Дружина будет.

– Обоз тоже. Пока, Гордей!

– До свидания, князь!

– Пока, Влас! – крикнул воевода ратнику.

– Всего доброго, Дмитрий Владимирович!

Савельев проехал к себе на подворье. Ульяна с сыном были уже там и сидели на лавочке у крыльца дома. Служка Прошка, впрочем, теперь уже вполне взрослый холоп Прохор, открыл ворота. Савельев соскочил с коня, передал ему поводья.

– Какие будут указания Дмитрий Владимирович? – спросил подошедший к князю ключник.

– Да никаких, Семен, все, как всегда.

– Понял.

Савельев присел рядом с женой и сыном:

– А чего не у родителей?

– Погостила и хватит, да и отец был не в настроении.

– Испортил я тебе праздник, Ульяна?

– Что об этом говорить? Ты ни при чем, это все гордыня отца и матушки. А больше – влияние других вельмож. Мне ключник говорил, к отцу последнее время часто бояре заезжать

стали. Собираются в горнице, закрываются и речи ведут. О чем, неведомо, у нас подслушивать не принято.

– Напрасно так ведет себя Степан Гордеевич, – вздохнул Савельев. – Один за другим вскрываются заговоры против царя, соответственно, заговорщиков ждет опала. Как бы отец твой не попал в нее. Лишится ведь всего.

– Я не думаю, что мой отец способен выступить против своего государя.

– Он, может, и не способен, но подтолкнут бояре на шаг необдуманный, всего лишь один, и, считай, пропало.

– Я говорила ему, а он слушать не захотел, мама тоже.

– Ну, тогда след только ждать, что будет. Может, и на самом деле безобидные беседы ведут затаившие обиды бояре. Но, признаюсь, я в это не верю.

– А все эта опричнина! До нее как спокойно было! – воскликнула княжна.

– Царь не мог поступить иначе, зарвались бояре некоторые. Слышал, многие на сторону Литвы перешли, кто-то к крымскому хану в вассалы подался. А чтобы там прятаться, одного добра, взятого из Руси, мало, надо быть нужным западным и южным правителям. А это измена. Но... Ульяна, давай не будем о том. В общем-то государь хорошо относится к твоему отцу.

– Ой, Господи! Я ж не спросила, чего тебя царь вызывал? – встрепенулась Ульяна.

– Уехать мне придется, Уля.

– Опять?

– Опять.

– Далеко?

– Почти туда же, где был.

– К Дону и дальше?

– Да.

– И не видишь даже, как сын растет.

– Служба государева, Уля, пора бы давно привыкнуть.

– Да я привыкла, но знаешь... да чего уж говорить о том, что много раз было сказано. Надо собрать тебя.

– Пока не надо, у меня в запасе три дня. Я сам прислуге накажу, что треба уложить в суму, ну а доспехи и оружие всегда в доме. – Савельев поднялся и посмотрел на жену:

– Все, Уля, давай прекратим этот разговор. Понимаю, тебе больно оттого, что муж вновь уедет в неизвестность и неведомо, вернется в обрат или нет, но иначе я поступить не могу. Кто-то должен стоять за интересы государства.

– Да только немногие то делают.

– Эх, Ульяна, боюсь, скоро всем несладко придется.

– Ты это о чем, Дмитрий?

– Слишком суетятся султан Великой Порты Селим да хан крымский Девлет. Казна их пустеет, а значит, что? Значит, могут двинуть и на Русь вместе с союзниками своими, и тогда каждому русскому придется брать в руки оружие и биться с врагом насмерть. И холопам, и торговцам, и дворянам, и боярам знатным. Никого та участь не минует.

– Ты пугаешь меня, Дмитрий.

– Не бойся, – улыбнулся Савельев, – с нами Господь Бог, он не даст свершиться подлости и гибели Руси святой.

– И что же это за времена такие? Зачем царь прогневал татар, забрав у них Казань, Астрахань, зачем пошел войной в Ливонию? Сидели бы в своих землях и обошлось бы.

– Не обошлось бы, – покачал головой Савельев. – Не приди мы в Казань, Астрахань, Ливонию, то татары, поляки, литовцы, шведы пришли бы на наши земли. Царь сделал то, что было единственно возможным, дабы уберечь страну. Если бы еще его поддержали бояре, так

нет, только вредят. Не все, конечно, многие за государя стоят, но хватает и изменников, и вреда от них много. Пойдем в дом.

– Я хотела тут еще посидеть. Здесь хорошо, солнышко греет, птицы поют.

– Ну, а я пойду, посплю немного.

– Ступай, родной, отдохни.

В воскресенье вечером дружина собралась на подворье Савельева. Расположились на заднем дворе у сада. Там же стояли две телеги обоза.

Касимовские татары вернулись загодя, еще утром, сделав все свои дела, дружина была в полном составе, включая возчиков, которые легко становились воинами.

Савельев передал ратникам суть задания царя.

Его выслушали молча, привыкли уже к подобным заданиям. Прикинули, какое оружие и доспехи брать. Сошлись, что пищажи не помешают. К ним добавили бердыши, на которых можно было устанавливать ружья и вести прицельный огонь по коннице противника. Осмотрели содержимое телег.

Бессонов определил, что кому завтра иметь при себе.

Подъехал и князь Крылов.

Как издавна было заведено, ратники дружины задами разошлись к своим подворьям. Во дворе остались только Крылов и Савельев. Но вскоре ни с того ни с сего объявился Малюта Скуратов. Он объяснил, что царь послал его прознать про готовность дружины, а потом передал Савельеву царскую грамоту для казацких атаманов, требуя от них повиновения полного. Поговорили втроем и разошлись.

А на рассвете возчики вывели с подворья телеги, и князь Савельев, попросившись с семьей, выехал в Коломенское, где был назначен общий сбор дружины.

Место переправы через Дон.

Плоты, направляемые в том числе и гребцами лодок, уткнулись в берег. На песок сошел знакомый Савельеву казак – помощник атамана Макар Данилов.

Дмитрий поприветствовал его и спросил:

– Переправа безопасна, Макар?

– Да. С востока шли вы, на том берегу к югу атаман отправил ертаулом десяток второй сотни. Несколько лодок ушли вниз по течению, смотрят и за северной стороной. Можем переправляться.

Плоты были большие, в несколько рядов бревен, с оградами и петлями для зацепа коней. Дружина завела их на два плота и осталась вместе с ними. Третий плот занял обоз.

Как только загрузку завершили, паромщики оттолкнули плоты, и гребцы взялись за работу. Переплыли Дон без происшествий. Когда вышли на песчаный западный берег, к ним спустились трое казаков.

– Атаман Михайло Тимофеевич Лунин, сотники Степан Ильин, Иван Карела, – представил их Данилов.

Познакомились, поприветствовали друг друга.

Савельев передал атаману царскую грамоту, в чем никакой необходимости не было, но порядок должен быть соблюден. Бегло ознакомившись с грамотой, атаман вернул ее и проговорил:

– Приветствую вас, достойные воины особой дружины, на землях станицы Дугановка. Наслышаны о ваших подвигах от атамана Алексея Михайловича Багона из станицы Степановка и сотника Ивана Рыгло из Крепина. До сих пор удивляюсь, как вам удалось бить малых ногаев в их улусах.

– Да что вспоминать об этом, Михайло Тимофеевич? Ныне у нас новые задания, о том думать треба.

– Верно говоришь, князь. Ну что, – повернулся атаман к одному из сотников, к Кареле, – заводи, Иван, дружину в станицу, коней в общую конюшню, обоз к ней, людей в гостевой дом. Баньку подогреть, трапезу выставить.

– Слушаюсь, атаман!

Данилов провел Савельева в свое не бедное подворье. Дом у него был большой, что несвойственно обычно казакам. Впрочем, такие дома начали ставить и в других станицах, где-то дальше, на хуторах.

Первым делом зашли в домовую церковь. Там помолились, после чего помощник атамана провел князя в баню. А потом все устроились за столом в освещенной свечами чистой горнице. Супруга атамана и казачки, ее помощницы, принесли питье и кушанья.

Савельев выпил немного водки, чарку, а вот закусил плотно. Когда завершили трапезу, начался разговор. И начал его атаман Лунин.

– Я получил наказ оказывать полное содействие московской особой дружине. То же самое прописано в царской грамоте. У меня была встреча с князем Серебряным-Оболенским. Петр Семенович наказал выделить воеводе князю Савельеву сотню. Я повинуюсь повелению государя и просьбе князя. Тебе, Дмитрий Владимирович, – взглянул атаман на Савельева, – будет выделена первая сотня нашей станицы под началом опытного воина и командира сотника Антипа Малюги. Завтра ты познакомишься с ним. Сотня может делиться на две полусотни, на десятки и на отряды в тридцать казаков с десятком охраны или ертаула. Как делить сотню и делать ли то, решать тебе, князь!

– То решу, – кивнул Савельев. – Мне бы знать, как разместятся турки и татары на переволоке. Для рытья канала они сгонят десятки тысяч невольников, работников. Понятно, что в узком месте такую армаду просто не разместить, да и не нужна она в одном месте. У тебя, атаман, есть какие-нибудь соображения на этот счет?

– Ты их, князь, уже сказал. Если невозможно держать всю рать в одном месте, то ее растянут по всей длине переволоки. Это где-то семьдесят верст. И они начнут копать, каждый на своем участке под присмотром турок и татар. Думаю, крымчаков, а турки будут играть роль рати доставки людей и всего необходимого на своих галерах и других суднах. Но они станут держать охрану у селений Самак и Карандар, откуда берет начало переволока. Эти селения на левом берегу Дона, там песчаный берег и глубина приличная, судна турок свободно там встанут. Если брать в расчет все сказанное, то в районе действия дружины и сотни будет где-то около пятисот рабов и рабочих и до двух сотен охраны. Еще полусотня может охранять причалы с судами.

– Да, наверняка так и будет, – кивнул Савельев. – У крымчаков будет сотен пять рабов и пара сотен охраны, из которой мурза или бей наверняка выставит конные разъезды, что станут объезжать район. От переволоки до Галурмака и Карачука – десять верст, так далеко разъезды вряд ли пойдут. Потому как турки и крымчаки никак не ожидают, что кто-то может попытаться мешать претворить в жизнь изначально провальный план. Худо то, что район ближний в Дону не будет отделен свободным пространством от других районов на переволоке. Значит, турко-крымские или крымские сотни будут по всему перелазу общаться друг с другом.

– Это так! – согласился атаман. – Но за каждый район отвечает отдельный мурза, если брать крымчаков, или сотник. А среди них того братства, что меж нами, русскими, нет. У них больше видят только свою личную выгоду.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что при неожиданном нападении на один район начальники других не станут спешить на выручку.

– Сомневаюсь.

– То твое право, князь. У тебя большой опыт войны с крымчаками, ногаями, но и мы здесь тоже опыта поднабрались. И в Азове у нас есть свои люди. Я знаю, что говорю. Разве в Ногайской орде все улусы бросились спасать попавшие под вас районы?

– Нет. Поначалу никто, потом были.

– Так это потом, чтобы заполучить право на земли, разоренные вами. Но вообще-то все может быть. На месте определишься, как действовать, также увидишь, кто был прав.

– До Галурмака от станицы, не считая переправу, расстояние малое, двести верст с гаком, – посмотрел на карту Савельев. – Днем мы передвигаться не сможем, значит, только в ночь. Это получается, если все сложится благополучно, в Галурмак и Карачук дружина с сотней зайдут дней через пять. Может, и за четыре, это как переход пойдет. Так?

– Где-то так, – кивнул атаман.

– За это время турки перебросят в район переволоки большую часть рабочей силы, будь то рабы или наемные рабочие с охраной. Эту часть надо будет рассредоточить вдоль канала равномерно. То добре, у нас будет время все хорошо посмотреть, оценить и совместно с сотником решить, что делать. Но нельзя исключать того, что охрана татар или турок будет гораздо большей и нас заметят. Либо после удачной вылазки начнется преследование. Двумя десятками дружины и сотней казаков оборону против крупных сил держать не можно. Потребуется возвращение в станицу. А для этого нужна переправа, причем в условиях прямого боя с басурманами. Как провести переправу, атаман?

Лунин нагнулся над картой, провел по ней обгоревшей старой лучиной:

– Вот тут, князь, перелаз. Это прямо напротив Галурмака. Глубина реки там только на середине доходит до двух-трех сажений. Переправиться сможете быстро, ну, и далее берегом к станице, выслав наперво гонца. Поможем.

– У басурман будут суда. Они двумя-тремя галерами бросят на правый берег сотню своих головорезов... – заметил Савельев и вдруг замолчал.

– Что, князь, узрил на карте? – посмотрел на него атаман.

– Суда турецко-татарские.

– Что суда? Будут они там и что?

– Вот и путь отхода. Не перелазом и берегом, а на тех же галерах по течению до станицы.

– А ты и впрямь опытный воевода, – улыбнулся Лунин. – Когда занимались отходом и ты стал задавать вопросы, подумал, что слава о тебе сильно преувеличена, однако нет, ты быстро разобрался в обстановке.

– Ты специально не сказал мне об использовании татарских судов? – спросил Савельев.

– Да. Хотел посмотреть, как среагируешь.

– Не след нам проверять друг друга, – покачал головой князь.

– Но треба знать, кто чего стоит.

– Узнал?

– Узнал, и со спокойной душой теперь пущу с тобой свою сотню!

– Ну и хитрец ты, Михайло Тимофеевич!

– Нет. Я просто жизнь непростую прожил, научился кое-чему.

– Да, а пошто ты упомянул о своих людях в крепости Азов?

– По то, что упомянул, и все!

– Они могут поведать данные о количестве войска и судов неприятеля?

– Это и без них будет ведомо, – усмехнулся атаман. – Смотри на причалы крепости, считай и получишь количество судов. Городская рать – четыре тысячи, а по судам несложно посчитать, сколько и воинов они доставили.

– Тогда зачем?

– Повторяешься, князь. Но нам люди в Азове еще пригодятся. Очень пригодятся.

– Ты чего-то недоговариваешь, Михайло Тимофеевич.

- Да, но, значит, то и не требуется. Что треба знать сейчас, то узнал.
- Ох, и мудрите вы с князем Серебряным.
- Дело делаем, так правильнее, Дмитрий Владимирович. Но... пора спать. Савельеву выделили отдельную опочивальню в доме атамана.

Глава третья

Наутро после молитвы и трапезы атаман наказал первой сотне станичной рати собраться у деревянной церквушки. Там была площадь для общего схода народа.

Казаки собрались быстро, при оружии, на конях. Стояли, гарцевали, ожидая начальство, но десятники пока никаких команд не подавали. А когда подошли Лунин и Малюга, они тут же разразились наказаниями. Малая рать быстро построилась в десятки, встала полукругом.

Послали за Савельевым, и когда князь пришел вместе с Гордеем Бессоновым, атаман провел их вдоль строя сотни. Казаки молодые, крепкие, в глазах озорные огоньки, шапки набекрень, шаровары в сапогах, а те – в стремях. Смотрели на москвичей приветливо, прознали, кто такие и для чего тут.

После общего строя атаман наказал рядовым казакам разъехаться по домам и готовиться к ночному выходу, а десятников оставил.

Они спешили и подошли к церквушке. Там сотник представил их князю: помощника и начальника охранного десятка Фатей Чебаря, голову ертаула Михайло Перельгу, десятника пищальников Ермилу Осетрова, начальников лучников Фому Бузлука и Григория Ладного, а также десятников конной рати Ничипора Нюхаря, Степана Калмака, Ивана Сивоху, Петра Катагаря и Николу Туголука.

Воевода особой дружины слушал, приветствовал казаков, но ни фамилий, ни имен, ни прозвищ не запомнил. Это ему и не надо, есть сотник, через него и будет согласие. В сотне числился обоз из трех телег с возчиками. Тот пока пустой, но за день Фатей Чебарь обещал заполнить телегу всем необходимым, а потом представил воеводу:

– Пред вами, казаки, ближний к государю воевода, князь Дмитрий Владимирович Савельев.

Казаки сразу как-то подтянулись, с интересом глядя на воина, в котором не прозвать вельможу высокого.

– А это, – указал сотник на Бессонова, – первый помощник воеводы, Гордей Бессонов. Остальных воинов особой дружины вам знать необязательно. Прознаете, как вместе будете на деле.

Ни один из десятников не спросил, а что, собственно, за дело такое? При внешней вольнице, что бросалась в глаза в любой станице, в любом хуторе, дисциплина у казаков, когда надо, была на высоте.

– Мыслите, казаки, чего за дело предстоит? – спросил сотник. И, не дожидаясь ответа, повернулся к Савельеву: – Тебе, князь, слово.

– Вы, казаки, знаете Дон, – вышел вперед Дмитрий. – И вверх по течению и вниз.

– Мы и поля знаем, и леса с рощами... – усмехнулся Катагарь.

– То добре, – кивнул Савельев, – вот только перебивать меня не след.

– Прости, князь, – засмутился десятник.

А воевода меж тем продолжал:

– Нам надо дойти до переката напротив бывшего селения Галурмак, переправиться чрез Дон, дружине зайти в названное селение, сотне пройти дале в селение Карачук. Наказ, что дал царь Иван Васильевич, такой... – и он довел до казаков задание.

Те выслушали молча, привыкшие выполнять наказания беспрекословно, полагаясь на атамана. А тот стоял рядом и кивал головой с длинным чубом, который постоянно забрасывал набок.

Доведя задание по переволоке, Савельев сказал:

– А вот теперь, казаки, спрашивайте, коли есть чего спросить.

Выступил помощник сотника, десятник охранного десятка Чебарь:

– Как, князь, мыслишь переправлять обоз через Дон на перелазе? Там хоть и неглубоко, кони с людьми перейдут, переплывут местами, а вот обозу не пройти. А это пять телег с тяговыми лошадьми. Лошадей как-нибудь переведем, а телеги со скарбом?

– Мыслю, придется плоты делать, – ответил Дмитрий. – По карте там левый берег Дона, на который предстоит переправиться, мелкий, поросший осокой, можно спрятать плоты.

– Извини, князь, не получится, – вышел вперед Малюга. – У переката большой лес, верстах в пяти и на самом виду селений Самак и Карандар, занятых турками и крымчаками. Мы можем, конечно, срубить деревья и перетащить их к реке, где свяжем плоты, но, коли то прознают турки, наше дело будет под угрозой, как и дружина, и войско.

– Сотник дело говорит, Дмитрий Владимирович, – кивнул атаман.

– Пока я услышал лишь то, что вязать плоты у переката дело слишком рискованное, – поморщился Савельев. – А хочу услышать, что предлагает сотник.

– Есть чего предложить, Антип? – обратился к казаку атаман.

– Мыслю, след тут на имеющихся плотах переправить на левый берег обоз и с ним охранный десяток Фатея Чебаря.

– Но по той стороне пойдет крымско-турецкая рать! – воскликнул Дмитрий. – Как охранный десятник сможет вывести обоз к нужным селениям?

– Мыслю спокойно. Ночью и десяток, и обоз переправятся, тут же уйдут на восток в поле. И полем, куда басурманские разезды не дойдут, спокойно пройдут менее чем двести верст. Правда, им времени понадобится больше, чем дружине и сотне, но день-другой обойдетесь харчем, что возьмут с собой казаки и ратники.

– То возможно, Михайло Тимофеевич? – посмотрел на атамана Савельев.

– Отчего нет, возможно, князь.

Воевода особой дружины повернулся к сотнику:

– Благодарствую, Антип Иванович, за совет добрый. Так и поступим. Обоз с охранным десятком треба переправить чрез Дон ныне же ночью.

– Десятник Чебарь сделает все, как надо, за то не беспокойся.

– Добре!

На этом сбор был закончен, атаман, Савельев и Малюга прошли в гостевой дом, где находились ратники дружины. Бессонов знал, что делать, и князь передал ему все заботы по предстоящему походу.

В горнице дома атамана стали решать, что загрузить в обозы. Одна телега уходила для десятка пищальников и двух десятков лучников, пороху, зарядов, стрел обычных и с паклей и обмоткой горючей. Туда же полога, накидки для длительных стоянок. Идти колонне предстоит только ночью, дабы не уходить глубоко в поле и не попасть на глаза ворога.

Как только казацкий старшина и воевода ушли из гостевого дома, Горбун подошел к Бессонову:

– Гордей! Пойду-ка я пройду по станице.

– Пошто тебе это? Или не слыхал наказ князя готовиться к походу?

– А чего мне готовиться, у меня все готово. Да тока пройду, погляжу, как народ местный живет. Потом на Москве рассказывать буду.

Бессонов с подозрением посмотрел на богатыря:

– Ты чего хочешь, Осип? Сколь раз уже был в станицах, на хуторах, в поселках казачьих, видел, как живут, но что-то я не слыхивал, чтобы ты о житье казачьем рассказывал на Москве.

– Потому как в городе у каждого свои заботы, ты окромя торговых рядов со своим семейством никуда и не выходишь.

– А ты, как отрок неразумный, все меж баб своих мечешься.

– А ты и радуешься чужой беде? – вздохнул Горбун.

– Это что за беда, то с одной любовью крутить, то с другой? – воскликнул Бессонов.

– Да надоели они обе, что Клавка, что Зинка. Загодя до похода сюда бабенку одну из прислуги вельможи одного, что на Варварке обретается, приметил, да не успел знакомство завести.

– Вот оно что, – протянул Гордей. – Решил, значит, тута, в станице бабу найти.

– Ну, не то, чтобы найти, – замылся Горбун, – искать не собираюсь, да и замужние они тут, почитай, все, а встретить, может, и встречу. Ты пойми, Гордей, мне ж не каждая баба подходит.

– Про то уже вся Москва ведает, – рассмеялся Бессонов. – Ладно, иди, но гляди, без озорства. Мы в гостях, и казаки народ суровый.

– Да я только пройдуся, посмотрю и вернусь.

– Не забывай, в ночь уходим.

– Помню. После обеденной молитвы и трапезы спать завалюсь.

– Ступай. Коли князь завидит на станице, скажи, я разрешил.

– Угу, хороший ты человек, Гордей. Ты, коли что, подходи, подмогу, чем могу.

– Да ступай ты уже. То рвешься на волю, то не выгонишь.

– Ушел.

Горбун от гостевого дома дошел по центральной улице до церкви, потом вышел на площадь – ничего интересного, казаки, женки ихние в заботах, детвора в играх. Двинулся к городьбе, вдоль которой шла извилистая улица, и почти всю ее прошел, когда увидел вельми пышных форм женщину, несшую с Дона коромысло с двумя объемными ведрами.

– Ух ты, – вырвалось у Горбуна, – вот это баба! Краса! – И он поспешил к ней:

– Извиняй, красавица, давай подмогу, а то тяжело таскать столько воды.

– А ты кто такой будешь? – бросила на него короткий взгляд женщина. – Из московской дружины, что ли?

– Из дружины. Так давай помогу.

Подумав, она передала Горбуну коромысло. Тот взял его легко, словно сухую, легкую жердь.

– Крепкий мужик, – проговорила бабенка, и в ее глазах мелькнул огонек. – Вот жена, наверное, довольна? Хозяин!

– Да какая жена? Нету жены. А как звать тебя, казачка?

– Лидухой зови. Меня все так зовут.

– Лидуха, Лида. Слушай, а муж твой, завидев нас, не осерчает?

– Не осерчает, – задорно рассмеялась она.

– Чего, не ревнивый?

– Не-а!

– Странно, казаки насчет этого...

– Да нет у меня мужа, – перебила его Лидуха. – В позапрошлом году на рыбалке утоп. В неводе запутался.

– Это как? Невод же с лодок тянут.

– Да какая теперь разница? Утоп и утоп. Вот и вдовствую с того времени.

Они медленно шли по улице к центру.

– Соболезную, Лидуха, – тихо проговорил Горбун.

– А не на чем соболезновать. Пил муженек без меры, на улице, почитай, каждый день валялся, казаки под вечер заносили в хату, а толку с того? Да и не мог он дать мне желанного.

– А пошто не мог-то? Из-за вина?

– Если бы! Сама бы поила, коли давал бы нужное бабе. «Достоинство» имел малое. Нет, для других, может, и нормальное, а для меня малое.

– А у меня, Лидуха, другая забота, я на всей Москве не могу найти подходящую бабу из-за того, что велико «достоинство».

– Да ты что! На всей Москве?

– Ну, есть, вернее, были две бабы, но что это за жизнь, когда противно с ними. То беда, Лидуха.

– Моя хата вторая справа, зайдешь? Пива налью, медовухи, а хочешь чего покрепче имеется, – предложила Лидуха.

– Да не можно нам.

– Ну, тогда пирогом с уткой угошу.

Горбун уже все понял, осмотрелся – на улице, как ни странно, никого.

– А пойдем. Тока ненадолго.

– Тебя-то как звать?

– Осипом зови.

– Как получится, Осип.

В ее глазах уже вовсю полыхал похотливый огонь. Как, впрочем, и у Горбуна. Они прошли во двор покосившейся хаты, зашли в сени. Там Осип оставил бады, поставил коромысло к стене. А Лидуха тут же схватила его за рубаху и потащила в светлицу. Оттуда без разговоров в махонькую опочивальню. Скинула одежду с себя, с него.

– Не могу боле. Быстрее, Осип, быстрее!

И они завалились на кровать...

Атаман с воеводой дружины и сотником закончили роспись наряда, определились с запасом провизии, еще раз просмотрели маршрут выдвижения, обозначив дневные стоянки, перешли к обсуждению порядка выдвижения к Галурмаку и Карачуку обоза с охранным десятком, как появился помощник атамана:

– Дозволь войти, Михайло Тимофеевич?

– Что случилось, Макар?

– Да непонятное на хате Лидухи Зимовцевой происходит.

– Что значит непонятное?

– Она же одна живет, так? Господь муженька прибрал, детишек не дал. У нее всегда спокойно было, а ныне соседка пришла, говорит, крики из ее хаты доносятся. Да такие, что на улице слышны.

– И чего она орет? – удивился атаман.

– Так не ведаю.

– Проверить надо было.

– Без твоего разрешения то не можно. Порядок есть порядок. Жизнь казаков вольная, никто окромя атамана вмешиваться не может, да и то по нужде великой.

– Это так. Ладно, – вздохнул атаман и взглянул на Савельева, сотника: – Засиделись мы, други, не пройтись ли? Поглядеть, с чего это Лидуха белугой воет?

Порешили пойти.

До хаты дошли быстро. Около ворот много народу, и соседи, и те, кто без дела.

Атаман распахнул калитку и прошел к крыльцу.

Дверь в сени была открыта, и они с князем зашли в горницу.

Услышав раздававшиеся из опочивальни крики, Савельев вздохнул:

– Кажется, я ведаю, что тут происходит.

– И чего? – спросил сотник.

– Любовь.

– Чего? – удивился атаман.

– Любовь, говорю, – повторил князь и взглянул на атамана: – Пошто вдова в станице одна до сих пор живет?

– Так никто с ней сладить в постели не может. Пытались казаки холостые и такие же вдовы, отваливали. С ней, говорили, только ослу хорошо будет.

– Вот и нашелся осел, – усмехнулся Дмитрий.

– Ничего не пойму, – покачал головой сотник, – какой еще осел?

– Есть у меня ратник один, а вот как снюхался с казачкой, то разбирать треба.

– Разберемся, – кивнул атаман и открыл дверь в опочивальню.

Разбросанная одежда, на разобранной кровати два голых, потных тела, местной Лидухи и... Осипа Горбуна.

Баба взвизгнула, завидев Лунина и чужого, скатилась с кровати, завернулась в простыню.

Поднялся и Горбун, надел портки, что валялись рядом.

– И что это? – спросил атаман.

– Так... – промямлил Горбун, – ...это мы... с Лидой миловались. А что? Я холостой, она вдовая, имеем право. Греха в том нету.

– Кто тебя из гостевого дома отпустил? – спросил у него Савельев.

– Гордей Бессонов.

– И по какой надобности?

– Сказал, что прогуляться хочу.

– Да, ратник, прогулялся ты славно, вы с Лидухой половину станицы на уши поставили своим криком, – рассмеялся атаман.

– А ты не завидуй, – выступила Лидуха. – У тебя с женой так, как у нас с Осипом, никогда не будет.

– Нам-то и не треба, – хмыкнул атаман и подмигнул Савельеву: – Скажи, князь, может, твой ратник заберет к себе Лидуху, а то у нас в станице чахнет баба.

– Это дело Горбуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.